

ПРЕДМЕТЪ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

(Изъ критическихъ очерковъ по вопросамъ гомилетики).

I.

Изложение вопроса о предметѣ проповѣди можетъ быть двоякое — или практическое, или теоретическое. Такъ мы имѣемъ сочиненіе прот. І. Толмачева *Православное собствдвательное богословіе или практическая гомилетика*. Это трудъ, широко задуманный, основательно и добросовѣстно исполненный; изъ него мы легко узнаемъ, въ чемъ состоитъ практическое изложение вопроса о предметѣ проповѣди. „Мы, пишетъ почтенный авторъ въ предисловіи, не касаясь никакихъ гомилетическихъ правилъ, самымъ дѣломъ вводимъ проповѣдника въ кругъ его гомилетическихъ занятій, раскрываемъ предъ нимъ библію и предлагаемъ ему всевозможные матеріалы для его проповѣднической дѣятельности. Такимъ матеріаломъ служатъ темы съ расположеніями для проповѣдей“. Онъ „предлагаетъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ съ расположеніями для проповѣдей, какъ на Евангелія, такъ и на Апостолъ, предпосылая выводу и развитію частныхъ проповѣдническихъ темъ общее *экзегетико-гомилетическое* обозрѣніе дневнаго Евангелія и Апостола“. Таковъ планъ *Практической гомилетики* прот. Толмачева. Не входя въ оцѣнку этого замѣчательнаго многотомнаго труда и разъясненіе важнаго значенія сочиненій подобнаго рода, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что однимъ изъ первыхъ условій пригодности такихъ практическихъ сочиненій служитъ ихъ обширность, поскольку здѣсь „предлагается множество самыхъ разнообразныхъ темъ,—предлагаются все-

возможные матеріалы для проповѣди“. Дать въ сочиненіи съ подобными задачами нѣсколько страницъ, это значить обмануть надежды читателя. Притомъ это должна быть обширность не въ смыслѣ общности содержанія, а при его конкретности. „Мы тщательно заботились, пишетъ тотъ же авторъ, чтобы темы были *конкретны*, частны и, такъ сказать, спеціальны, т. е. касались одного какого-либо предмета, но со всѣхъ сторонъ; говоря, напр., о молитвѣ, мы разсматривали не весь обширный вопросъ о молитвѣ, но или о свойствахъ молитвы, или о долгѣ молитвы, или о терпѣніи въ молитвѣ“ и т. д. Совершенно иной характеръ должны имѣть теоретическія сочиненія по гомилетикѣ. Теорія гомилетики, стараясь быть сравнительно краткою, должна раскрыть идею проповѣди, изъ которой съ необходимостью вытекало бы существенное содержаніе какой угодно частной проповѣди, чтобы проповѣдникъ, усвоивъ эту идею, могъ вполне безошибочно, но и совершенно свободно опредѣлить себѣ на каждый частный случай, о чемъ должно проповѣдывать. Теорія гомилетики должна дать принципиальное рѣшеніе вопроса о предметѣ проповѣди, должна указать то единственное, что дѣлаетъ всякую проповѣдь проповѣдью и безъ чего не можетъ быть проповѣди, найти въ разнообразіи существенное и отличить необходимое отъ возможнаго, главное отъ второстепеннаго и случайнаго.

Обращаясь къ нашимъ теоріямъ гомилетики и прежде всего къ Гомилетикѣ Амфитеатрова, мы не находимъ въ нихъ этой принципиальности въ рѣшеніи вопроса о предметѣ проповѣди. Проф. Я. К. Амфитеатровъ, удѣляя этому вопросу всю первую изъ двухъ частей гомилетики, т. е. 55—276 страницъ, что излишне много и вообще для теоріи гомилетики и, въ частности, для гомилетики въ 578 страницъ, видитъ въ этомъ вопросѣ „безчисленный рядъ предметовъ проповѣдническихъ“. Что же онъ дѣлаетъ съ этимъ рядомъ предметовъ, котораго не возможно исчислить? Онъ „многочисленные и разнообразные предметы церковнаго собесѣдованія“ обобщаетъ въ нѣсколько группъ,—„не изыскивая особаго начала, дабы вывести изъ него всѣ роды предметовъ церковнаго собесѣдованія, онъ просто собираетъ и исчисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: ученіе догматическое, ученіе практическое, ученіе о богослуженіи, ученіе

объ общежитіи, ученіе историческое и ученіе о предметахъ и явленіяхъ міра физическаго“. Еще болѣе въ общемъ порядкѣ и въ соотвѣтствіе съ тремя частными цѣлями церковнаго наставленія (образование ума, образование воли и образование христіанскаго чувства) авторъ распредѣляетъ предметы проповѣди такъ: ученіе догматическое вмѣстѣ съ вспомогательными ученіемъ естественнымъ и ученіемъ историческимъ, затѣмъ ученіе дѣятельное и, наконецъ, ученіе церковно-богослужебное. Правда въ этомъ соотвѣтствіи распредѣленія проповѣдническихъ предметовъ по группамъ цѣлямъ церковнаго наставленія какъ будто дается та принципиальность, о которой мы говоримъ. Но это есть принципъ распредѣленія предметовъ уже заранѣе указанныхъ, а не принципъ самаго указанія проповѣдническихъ предметовъ. Всѣ предметы проповѣдническіе, распредѣленные на основаніи этого принципа въ три группы, являются одинаково важными и потому принципъ этотъ оказывается чисто формальнымъ. Наконецъ, принципъ этотъ нельзя признать самостоятельнымъ, потому что по этому принципу, съ одной стороны, признается, что ученіе догматическое не способствуетъ образованію воли и чувства и ученіе дѣятельное не способствуетъ образованію чувства, что не вѣрно и само по себѣ и противорѣчитъ инымъ, ясно выраженнымъ, основоположеніямъ разсматриваемой гомилетики, а съ другой стороны, опускается изъ вниманія различіе между дѣятельностью и ученіемъ о дѣятельности, между богослуженіемъ и ученіемъ о богослуженіи,—опускается изъ вниманія, что *ученіе* и дѣятельное и церковно-богослужебное (въ отличіе отъ воспитанія воли и образованія чувства богослуженіемъ) прежде всего и во всякомъ случаѣ столько же относится къ образованію ума, какъ и ученіе догматическое.

Распредѣливъ „безчисленный рядъ предметовъ проповѣдническихъ“ въ нѣсколько группъ, авторъ затѣмъ въ примѣненіи къ каждой группѣ частью разъясняетъ важность входящихъ въ нее предметовъ и способы ихъ раскрытія на церковной кафедрѣ, а главнымъ образомъ раскрываетъ въ возможной полнотѣ „общій порядокъ истинъ“, которыя могутъ служить предметами проповѣди. Можно сказать, что авторъ раскрываетъ самое ученіе—догматическое, дѣятельное и богослужебное. Такъ напр. онъ перечисляетъ и даже

излагаетъ догматы, составляющіе отличительное догматическое ученіе нашей церкви, излагаетъ и символически объясняетъ службу повечерія и всѣхъ другихъ службъ не только круга суточного, но и годового, говоритъ отдѣльно почти о каждой изъ богослужебныхъ книгъ, даже о книгѣ молебныхъ пѣній, акаѳистникахъ, молитвословахъ, а также о книгахъ, составляющихъ церковную бібліотеку, — о Маргаритѣ, Благовѣстникѣ, Прологѣ, Лавсаикѣ, Лимонарѣ и т. д. Такое содержаніе гомилетики по вопросу о предметѣ проповѣди не только не имѣетъ теоретическаго, или принципиальнаго значенія, но непригодно и въ практическомъ отношеніи и потому вполне безцѣльно. Оно непригодно въ практическомъ отношеніи по своей общности, — вслѣдствіе недостатка обширности и конкретности. Правда, оно излагается въ Гомилетикѣ Амфитеатрова на 200 страницахъ, но и 200 страницъ — это слишкомъ много для теоріи гомилетики и слишкомъ мало для практической гомилетики, — слишкомъ мало сравнительно съ нѣсколькими томами Практической гомилетики Толмачева, тѣмъ болѣе, что у послѣдняго изслѣдуется только Евангеліе и Апостолъ, а въ Гомилетикѣ Амфитеатрова излагается „общій порядокъ истинъ“ догматическихъ вмѣстѣ съ естественными и историческими, нравственныхъ и богослужебныхъ. Для практически-пригоднаго, т. е. подробнаго и конкретнаго изложенія всѣхъ этихъ истинъ потребовалось бы много томовъ. Вмѣсто того въ Гомилетикѣ проф. Амфитеатрова мы встрѣчаемъ лишь бѣглый обзоръ этихъ истинъ, — а такой обзоръ есть не что иное, какъ краткое и въ общихъ чертахъ повтореніе богословія догматическаго, нравственнаго и литургіи¹⁾.

Легко понять, что такое же рѣшеніе вопроса о предметѣ проповѣди, какое мы находимъ у проф. Амфитеатрова, во всякой краткой гомилетикѣ оказывается просто наивнымъ, лишеннымъ какого бы то ни было интереса даже для учащихся. Таково Руководство прот. Фаворова. Авторъ общаетъ въ отдѣлѣ о предметахъ церковнаго собесѣдованія прежде всего „указать по возможности полный кругъ проповѣдническихъ предметовъ, съ обозначеніемъ сравнительной ихъ

¹⁾ Можетъ быть по обстоятельствамъ времени Я. К. Амфитеатровъ и „имѣлъ право говорить въ гомилетикѣ о такихъ предметахъ“ (Странникъ 1894, I, 323), во всякомъ случаѣ это не область гомилетики.

важности"... Но сравнительной важности проповѣдническихъ предметовъ онъ не указываетъ. Правда, онъ какъ будто отмѣчаетъ исключительное значеніе слова Божія для проповѣди: „по самому понятію о церковномъ собесѣдованіи, общій предметъ его есть слово Божіе“; но сейчасъ же онъ уничтожаетъ это положеніе, разумѣя подъ именемъ слова Божія не только св. Писаніе, но и „все то, что преподаетъ намъ св. церковь въ ученіи, постановленіяхъ и обрядахъ своихъ“. Страннымъ нужно признать и то, что авторъ, называя изъясненіе св. Писанія и изложеніе истинъ догматическихкихъ и нравственныхъ особыми предметами проповѣди, въ то же время въ качествѣ источниковъ, напр., истинъ нравственныхъ указываетъ десятословіе, молитву Господню, блаженства евангельскія, какъ будто эти источники не составляютъ частей св. Писанія и какъ будто излагать содержащіяся въ нихъ нравственныя истины не значитъ изъяснять слово Божіе. Но въ чемъ же состоитъ указаніе полного круга проповѣдническихъ предметовъ въ Руководствѣ Фаворова? Авторъ показываетъ, что предметами проповѣдническаго изъясненія изъ области св. Писанія могутъ служить дневныя чтенія, псалмы, пареміи и, наконецъ, цѣлыя книги изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ будто назвать рядомъ съ цѣлымъ его части значитъ что нибудь разъяснить; затѣмъ раскрываетъ, что первый и главный указатель догматическихкихъ предметовъ есть символъ вѣры, а для истинъ нравственныхъ—десятословіе, молитва Господня, блаженства евангельскія и церковныя заповѣди, какъ будто готовящимся къ проповѣдничеству нужно разъяснять то, что извѣстно изъ первыхъ начатковъ христіанскаго наученія. Легко понять, что никакого значенія для содержанія проповѣди не могутъ имѣть наставленія автора, что въ праздники въ честь безплотныхъ силъ слѣдуетъ проповѣдывать о безплотныхъ силахъ, въ посты нужно раскрывать ученіе о постахъ, на освященіе храмовъ—о значеніи храмовъ и т. п.

II.

Содержаніе разсматриваемыхъ нами гомилетикъ по вопросу о предметѣ проповѣди не только лишено принципиальнаго интереса и не имѣетъ практическаго значенія, но

рѣшеніе въ нихъ этого вопроса должно назвать крайне неопредѣленнымъ, чтобы не сказать ложнымъ. Проф. Амфитеатровъ намекаетъ на „безчисленный рядъ предметовъ проповѣдническихъ“ и ясно указываетъ нѣсколько группъ, въ которыхъ рядомъ съ ученіемъ догматическимъ и практическимъ называется ученіе о богослуженіи, ученіе историческое и ученіе о предметахъ и явленіяхъ міра физическаго. Это то же, что „все и обо всемъ“ (Прот. Хераскова *Слова, поученія и рѣчи*, 1886, стр. 245). Но истина въ противоположномъ: для проповѣди есть только одинъ предметъ, и это именно ученіе Господа нашего Иисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ, вникнемъ въ слова: *предметъ* проповѣди. Очевидно, предметъ проповѣди есть то, чему слушатели должны научиться проповѣдью, въ чемъ они должны быть наставлены, что имъ должно быть преподаано въ проповѣди. Но слушатели должны быть научены проповѣдникомъ одному—ученію Господа нашего Иисуса Христа, въ немъ одномъ должны быть наставлены, оно одно должно быть преподаваемо въ проповѣди. Ученіе Господа Иисуса Христа, какъ содержаніе проповѣди, есть именно то, что „одно только нужно“ и что „довольно“ для цѣлей проповѣди. Такова основная идея *христіанской* проповѣди, раскрытіе которой составляетъ гомилетическій принципъ въ рѣшеніи вопроса о предметѣ проповѣди.

Основная идея проповѣди можетъ быть раскрываема съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія. Прежде всего слѣдуетъ указать на богоустановленность проповѣди. Христіанская проповѣдь отличается отъ всякаго другого рода рѣчи тѣмъ, что она имѣетъ историческое происхожденіе. Проповѣдникъ говоритъ не потому только, что онъ желаетъ научить другихъ, и не потому только, что въ проповѣди онъ видитъ единственное средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей, а прежде всего потому, что проповѣдывать ему повелѣно Господомъ Иисусомъ Христомъ. Какъ Господа Иисуса Христа послалъ въ міръ Отецъ, такъ и Онъ послалъ своихъ учениковъ въ міръ (Іоан. XVII, 18), повелѣвъ имъ: *идите, научите все народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во все дни до скончанія вѣка* (Мѣ. XXVIII, 19. 20). Въ содержаніи проповѣди менѣе всего возможны неопредѣленность и произволь; проповѣдникамъ повелѣно учить всѣ народы и

учить только одному—соблюдать все, что повелѣлъ Господь. Если бы Самъ Господь не училъ людей, если бы Онъ не оставилъ міру Своего ученія и не послалъ учениковъ проповѣдывать Его Евангеліе всеи твари (Мр. XVI, 15), то не было бы и христіанской проповѣди. Апостолы и ихъ преемники посланы Самимъ Христомъ проповѣдывать міру не что иное, какъ Его Евангеліе, Его ученіе ¹⁾. Другого источника, или содержанія, проповѣди нѣтъ: одинъ у насъ Отець, Который на небесахъ, и одинъ у насъ учитель и наставникъ Христосъ (Мѣ. XXIII, 8—10). Христіанскій проповѣдникъ учитъ тому, чему самъ наученъ Господомъ Христомъ; онъ передаетъ міру то, что заповѣдано Господомъ: *что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ* (Мѣ. X, 27). Правда, онъ долженъ не просто передать заповѣданное Господомъ, но и быть свидѣтелемъ Ему (Дѣян. I, 8); но это относится къ подвигу жизни, а не къ содержанію проповѣди. Неизмѣнное и опредѣленное содержаніе проповѣди дано для проповѣдника въ ученіи Христа. Въ ораторской рѣчи и во всякомъ другомъ родѣ словъ неизбѣженъ вопросъ объ изобрѣтеніи (*inventio*) матеріи и съ этой стороны оратору и писателю особенно предстоитъ трудъ; только проповѣднику нѣтъ нужды изобрѣтать и выдумывать, потому что онъ говоритъ не отъ себя и не свое, а отъ Господа заповѣданное Имъ.

Одинъ у насъ учитель Христосъ и Онъ есть единственный учитель, не сравнимый ни съ какими другими учителями: Онъ открылъ міру *истину* (Іоан. I, 14. 17; XVІІІ, 37). Языческій міръ, несмотря на всѣ порывы въ этомъ направленіи и всѣ усилія, не зналъ истины, и вопросъ Пилата ко Христу: что есть истина (Іоан. XVІІІ, 38)? выражаетъ отчаяніе язычника, ходившаго путями своими, постигнуть ее. Только Христосъ открылъ міру истину: Онъ далъ человѣку отвѣтъ на вѣчные вопросы, волнующіе человѣческое сердце,—вопросы о томъ, для чего мы живемъ и что должны дѣлать. Его ученіе есть цѣлое и цѣльное міропониманіе, или

---

¹⁾ „Учители Церкви получили это имя только потому, что они суть передаватели изъ вѣка въ вѣкъ грядущимъ поколѣніямъ единого и неизмѣннаго ученія единого истиннаго учителя Христа“. Амвросія арх Харьк. Проповѣди изд. 1895 г., стр. 542.

міровоззрѣніе. Отсюда и христіанская проповѣдь есть наученіе этому міропониманію и это—ея существенная природа, совершенно отличающая ее отъ всякой иной человѣческой рѣчи. Она есть религіозное наученіе, но отличается отъ наставленія всякой иной религіи, не исключая іудейской, тѣмъ, что она просвѣщаетъ человѣка. Не говоря уже о религіяхъ языческихъ, и религія іудейская представляла много узаконеній, которыя были для человѣка чисто внѣшнимъ повелѣніемъ, принимались имъ какъ иго, несвободно и безъ пониманія ихъ внутренняго смысла. Иной характеръ имѣетъ религія Христа. Онъ есть свѣтъ, просвѣщающій человѣка; сообщенная имъ истина, усвоенная человѣкомъ, даетъ людямъ свободу (Іоан. VIII, 32). Принимая его ученіе, человѣкъ въ себя самого воспринимаетъ свѣтъ жизни (Іоан. VIII, 12). Это не то, что „свѣтильникъ, горящій и свѣтящій“, который свѣтитъ только находящимся близь него; но міропониманіе Христово есть свѣтъ, который человѣкъ носитъ въ себѣ и уноситъ съ собою всюду. Усвоивъ его, человѣкъ уже не имѣетъ нужды, чтобы кто училъ его (1 Іоан. II, 27), но самъ знаетъ все (ст. 20). Конечно, здѣсь дѣло не въ количествѣ подробностей знанія, но въ пониманіи существеннаго смысла жизни, которымъ свободно опредѣляются ея частные случаи и отношенія. Достаточно человѣку усвоить общее міровоззрѣніе Христа, проникнуться имъ, и онъ уже сознательно и свободно можетъ опредѣлить свою личную жизнь, рѣшить отдѣльные вопросы частной и общественной жизни, провести это міровоззрѣніе въ жизнь бытовую, гражданскую, государственную ¹⁾.—Составляя особенность христіанской религіи въ отличіе отъ всякой языческой и даже іудейской, проповѣдь тѣмъ болѣе отличается своимъ общимъ содержаніемъ отъ свѣтскаго ораторства. Свѣтскій ораторъ не имѣетъ возможности излагать предъ слушателями свое личное міровоззрѣніе такъ же, какъ и для него не обязательно и даже безразлично міровоззрѣніе его слушателей; онъ говоритъ каждый разъ съ практической цѣлью освѣтить тотъ или другой частный вопросъ личной или общественной жизни, побудить слушателей къ частному рѣшенію. Такая практическая цѣль можетъ быть

¹⁾ Ср. Архіеп. Иннокентія Херс. *Сочин.* т. 2. 1872 г., стр. 144.

достигнута безъ содѣйствія общаго міропониманія, только подборомъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и возбужденіемъ тѣхъ или другихъ страстей. Напротивъ, проповѣдникъ имѣетъ свою прямою задачу установить въ душахъ слушателей общее христіанское міропониманіе, привести всѣхъ ихъ къ единству христіанскаго міровоззрѣнія, чтобы они, усвоивъ его, совершенно свободно и сознательно могли опредѣлять свое отношеніе къ каждому частному случаю жизни. Здѣсь рѣшеніе частнаго вопроса и убѣжденіе къ частному дѣйствію безъ общаго христіанскаго міропониманія и непрерывнаго настроенія имѣютъ слишкомъ ничтожное значеніе; здѣсь каждый частный вопросъ долженъ быть рѣшаемъ на основѣ общаго міровоззрѣнія и каждое частное рѣшеніе воли должно вытекать изъ непрерывнаго настроенія сердца.

Наконецъ, цѣль проповѣди также предполагаетъ ея опредѣленное содержаніе. Цѣль проповѣди — призвать слушателей благовѣствованіемъ ко спасенію (2 Фесс. II, 13. 14), къ жизни и неглѣбнью (2 Тим. I, 10). Но такой цѣли можно достигнуть только чрезъ благовѣстіе Христова, такую жизнеприводительную силу обладаетъ только Его слово, Его ученіе: *слушающій слово Мое, говорилъ Онъ, и втрүющій въ пославшаго Меня имѣетъ жизньъ вѣчную* (Іоан. V, 24 ср. Іак. I, 18 и др.). На языкѣ апостоловъ *слово жизни* (Филип. II, 16) столь же опредѣленно, какъ и *слово истины* (Ефес. I, 13; 2 Тим. II, 15; Іак. I, 18 и др.), указываетъ на ученіе Господа Иисуса Христа: кромѣ Его ученія нѣтъ другого слова жизни и потому нѣтъ другого предмета проповѣди. Сказать, что „церковное ученіе должно занимать умъ предметами важными, какъ-то готовыми результатами наукъ, и возбуждать въ душѣ трезвые, чистые, прочныя чувства добра и красоты“, какъ выражается прот. Фаворовъ, это значитъ терять изъ виду то единственное, что дѣлаетъ проповѣдь проповѣдью. Хорошо „занимать умъ предметами важными и возбуждать въ душѣ прочное чувство красоты“, но это можетъ дѣлать и не проповѣдь и это не выражаетъ существенной задачи проповѣди. Не все важное для ума и прекрасное для чувства ведетъ къ вѣчной жизни, а предметомъ проповѣди должно служить то, что единственно есть слово жизни. Своей великой цѣли проповѣдникъ никогда не долженъ упускать изъ вниманія, но во всякой проповѣди онъ долженъ стремиться къ

этой единственной цѣли. Подобно апостолу, онъ долженъ *благовѣствовать не въ премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова, и лучше быть незнающимъ ничего, кромѣ Иисуса Христа, и притомъ распятаго* (1 Кор. I, 17; II, 2).

Такъ проповѣдникъ имѣетъ для своего слова самое опредѣленное содержаніе и его призваніе въ томъ, чтобы передать слушателямъ все заповѣданное Господомъ, научить ихъ христіанскому міропониманію. Онъ долженъ въ этомъ отношеніи поступать такъ же, какъ школьный учитель. Послѣдній старается о томъ, чтобы ученики его усвоили опредѣленную программу и могли дать отвѣтъ на предстоящемъ экзаменѣ. Онъ разъясняетъ имъ предметъ по вопросамъ программы съ перваго до послѣдняго; онъ постоянно спрашиваетъ себя, все ли они знаютъ и всѣ ли знаютъ; онъ то открываетъ имъ новое, то повторяетъ пройденное, объясняетъ неясное то тому, то другому. Такъ долженъ поступать и проповѣдникъ. Онъ долженъ научить всѣхъ своихъ слушателей всему заповѣданному Господомъ, открыть имъ всю волю Божию. Имъ предстоитъ дать отвѣтъ на судѣ Божіемъ и онъ дастъ за нихъ отчетъ Сердцевѣдцу. За всѣ свои грѣхи они отвѣтятъ сами кромѣ тѣхъ, которые они совершили по невѣдѣнію, если оно зависѣло не отъ нихъ; за ихъ невѣдѣніе, если оно было по его винѣ, онъ дастъ отвѣтъ Богу (Іезек. III, 17—21). Посему онъ долженъ такъ внимательно научать, чтобы могъ сказать своимъ ученикамъ словами апостола: *чистъ я отъ крови всѣхъ, ибо я не упустилъ возвѣщать вамъ всю волю Божию* (Дѣян. XX, 26, 27); *вы знаете, какъ каждаго изъ васъ, какъ отецъ дѣтей своихъ, мы просили и убѣждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшаго васъ въ Свое царство и славу* (1 Тим. II, 11, 12). Проповѣдникъ долженъ заботиться прежде всего объ исполненіи программы: ничего, кромѣ заповѣданнаго Господомъ, но заповѣданное Господомъ онъ обязанъ передать слушателямъ все, не упуская ничего. Никогда не долженъ умолкнуть для него вопросъ: все ли имъ передано? не забыто ли что? Затѣмъ онъ долженъ всегда имѣть въ виду каждаго изъ своихъ слушателей и преимущественно самыхъ невѣдущихъ изъ нихъ. Онъ сначала долженъ преподавать „млеко“ наставленія, если среди слушателей встрѣчаются неспособные переносить твердой пищи; потомъ онъ пусть ведетъ ихъ

дальше по ступенямъ познанія воли Божией, но пусть внимательно слѣдить, всё ли успѣваютъ, не нужно ли давать кому нибудь частные уроки. Дальше ояъ долженъ внимательно наблюдать, въ какой степени усвоиваются его наставленія слушателями, проводятся ли они ими, всѣми и каждымъ, въ жизни. Если ояъ замѣтитъ, что они начинаютъ знать болѣе, чѣмъ сколько хотятъ исполнять ¹⁾, то пусть остановится на преподаваемой истинѣ и пусть просить, убѣждаетъ и умоляетъ ихъ поступать достойно Бога (1 Фесс. II, 11, 12), пусть настоять во время и не во время, отличаетъ, запрещаетъ и увѣщаетъ со всякимъ долготерпѣниемъ и назиданіемъ (2 Тим. IV, 2); не забывая въ то же время дать пищу тѣмъ, которые болѣе преуспѣваютъ въ познаніи Бога. Такъ ояъ долженъ заниматься ученіемъ постоянно (1 Тим. IV, 16). Самый постыдный страхъ проповѣдника—предъ тѣмъ, какъ бы не истощиться, не потерять интереса новизны, не начать повторяться (*das Sichauspredigen*). Этотъ страхъ можетъ возникнуть только при забвеніи о томъ, что проповѣдникъ есть постоянный учитель и имѣеть заповѣданную программу. Случайное чтеніе предъ случайными слушателями для мимолетнаго успѣха должно быть интересно, но постоянные уроки предъ постоянными слушателями должны быть выполненіемъ опредѣленнаго содержанія. Пусть проповѣдникъ не боится повторять предъ слушателями одно и то же ученіе Господа нашего, помня, что ояъ на сіе самое поставленъ Господомъ, что ояъ призванъ быть постояннымъ учителемъ; пусть въ его ушахъ не перестаетъ звучать повелѣніе Божіе: *о вы, напоминающіе о Господѣ, не умолкайте* (Ис. LXII, 6). Особенно страннымъ кажется этотъ проповѣдническій страхъ въ виду религиозныхъ потребностей нашего народа, о которыхъ люди образованные и особенно богословы не должны судить по себѣ. Для послѣднихъ проповѣдь цѣнна преимущественно тѣмъ, что въ ней прибавлено новаго къ простымъ словамъ евангелія, а простой народъ жаждетъ самой простой евангельской истины. Пусть же проповѣдникъ побѣдитъ въ себѣ этотъ страхъ по слову Господа: *не бойся, но говори и не умолкай, потому что*

¹⁾ Ср. Филип. II, 16: до чего мы достигли, такъ и должны мыслить и по тому праву жить.

у Меня много людей въ этомъ народѣ (Дѣян. XVIII, 9. 10). На Западѣ знаменитые проповѣдники иногда предпринимаютъ „проповѣдническія“ путешествія, являя свое искусство то въ томъ, то въ другомъ городѣ; вотъ такимъ проповѣдникамъ стоитъ подумать о предметѣ проповѣди предъ случайными слушателями ¹⁾. Проповѣднику же, имѣющему опредѣленныхъ слушателей, которыхъ онъ знаетъ, всѣхъ и cadaго, которыхъ онъ училъ вчера и третьяго дня, странно затрудняться въ выборѣ предмета проповѣди. Каждый разъ ему нужно вспомнить всю волю Божію и что онъ говорилъ годъ, два или три года назадъ и въ чемъ имѣютъ нужду его слушатели; ему нужно говорить о томъ изъ „всей воли Божіей“, о чемъ онъ еще не говорилъ, ему нужно повторять то, о чемъ онъ уже давно говорилъ, ему нужно напоминать слушателямъ во время и не во время о томъ, что они плохо усваиваютъ. Кратко сказать ему нужно быть христіанскимъ учителемъ ²⁾.

III.

Единственный предметъ христіанской проповѣди есть ученіе Господа нашего Иисуса Христа; но ученіе Его принято церковью и преподается ею, главнымъ образомъ, въ священномъ Писаніи; посему призванный возвѣщать ученіе Господа, проповѣдникъ долженъ благовѣствовать собственно священное Писаніе.

Легко понять, въ какомъ совершенствѣ самъ проповѣдникъ обязанъ знать священное Писаніе и прежде всего писанія св. апостоловъ. Нельзя преувеличить исключительно важнаго значенія небольшой книги Новаго Завѣта для проповѣдника. Только изъ этой книги онъ долженъ почерпать истину, вѣчную и неизмѣнную; въ этой книгѣ его духовный мечъ (Ефес. VI, 17), и щитъ, и шлемъ, и броня,—

¹⁾ Ср. св. Іоанна Злат. въ бесѣдѣ на Богоявленіе: „чему я могу научить васъ, когда вы единожды или только дважды въ году приходите ко мнѣ во храмъ Божій“?..

²⁾ По вопросамъ объ опредѣленіи содержанія христіанской проповѣди въ отличіе отъ языческаго ораторства и объ ея учительномъ характерѣ ср. Н. Барсова *Исторія первобытнот христіанской проповѣди*, 1885, стр. 30—41, и Ф. Дюпанлу *Бесѣды о проповѣдничествѣ, какъ пастырскою служебнѣ*, рус. пер. 1899, стр. 61—84.

въ ней и его бранное оружіе, и крѣпость, и запасы. Онъ не долженъ разлучаться съ нею; онъ долженъ читать ее ежедневно, находя въ самомъ чтеніи высшее наслажденіе, утѣшеніе, отдохновеніе и духовное питаніе; для него потерянь тотъ день, въ который онъ не питался словомъ Божиимъ. Проповѣдникомъ Христовымъ можетъ быть только тотъ, кто въ книгѣ Евангелія видитъ самое драгоценное наслѣдіе апостоловъ Христовыхъ, кто знаетъ его въ совершенствѣ, ограниченномъ развѣ слабостью памяти, но никакъ не недостаткомъ усердія и любви, кто о предметахъ священныхъ, о важнѣйшихъ вопросахъ жизни и нравственной дѣятельности можетъ мыслить не иначе, какъ по духу Евангелія, и говорить не иначе, какъ словами Евангелія, у кого слова евангельскія сами собою исходятъ изъ устъ вмѣстѣ съ евангельскими мыслями.

Въ связи съ мыслью о необходимости для проповѣдника *знать* слово Божіе, мы должны коснуться того мнѣнія, что благодать Божія есть главная продуктивная сила проповѣди. Мнѣніе это, высказанное у насъ проф. Барсовымъ, какъ новое ¹⁾, рѣшительно и настойчиво, означаетъ то, что устами проповѣдника говоритъ Духъ Божій (Мѣ. X, 19 и др.) ²⁾, что проповѣдникъ говоритъ въ экстазѣ или энтузіазмѣ, что „профетизмъ или пророчественная стихія проповѣди есть основная стихія проповѣди, существенная черта самой ея природы“ ³⁾... Вполнѣ соглашаясь, что „не можетъ быть истинной проповѣди безблагодатной“, что проповѣдникъ говоритъ подъ руководствомъ благодати и отъ лица церкви, что проповѣдникомъ можетъ быть только христіанинъ, „возрожденный и облагоустроенный“, мы не можемъ признать профетизма основной стихіей проповѣди ⁴⁾, не можемъ при-

1) *Нѣсколько излѣдов. истор.*, 1899 г., стр. VII—XIII.

2) *Ibid.* стр. 5.

3) Стр. 18 ср. 16—17, 290. Это однако не препятствуетъ проф. Барсову говорить о необходимости изученія будущимъ проповѣдникомъ предметовъ общаго, словеснаго и логическаго образованія (стр. 14) и выражаться такъ: „къ проповѣдничеству готовится вся совокупность образовательныхъ ресурсовъ духовной школы. Поэтому и причинъ недостатковъ въ современномъ проповѣдничествѣ слѣдуетъ искать въ общеобразовательныхъ и специально-воспитательныхъ свойствахъ современной духовной школы, а не въ чемъ либо иномъ“ (стр. 34)... Ср. выше.

4) Объ этомъ будетъ еще рѣчь ниже.

лагать собственно къ проповѣди и, точнѣе, къ ея содержанію МѠ. X, 13 и под., не можемъ назвать благодати продуктивною силою проповѣди. Главная ошибка проф. Барсова состоитъ въ томъ, что онъ противопоставляетъ благодать только субъективному творчеству проповѣдника и только въ нихъ исключительно, т. е. въ благодати и субъективномъ творествѣ, видитъ возможные источники проповѣдническаго слова, забывая, что ученіе Господа Иисуса Христа передается изъ поколѣнія въ поколѣніе (христіанское преданіе въ широкомъ смыслѣ слова), что оно заключено въ словѣ Божіемъ. Онъ строитъ такую дилемму: проповѣдь есть продукція или благодати или естественныхъ силъ челоуѣка, субъективнаго творчества. Онъ видитъ рационализмъ только въ отрицаніи благодати, какъ продуктивной силы проповѣди, и мистицизмъ—только въ признаніи благодати *единственною* продуктивною силою проповѣди ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ единственнымъ источникомъ проповѣди ²⁾ служитъ преданіе (въ широкомъ смыслѣ этого слова). Проповѣдникъ не имѣетъ своею задачею продуктивировать, говоря просто, выдумывать содержаніе: оно для него дано въ словѣ Божіемъ. „Учители церкви получили это имя только потому, что они суть передаватели изъ вѣка въ вѣкъ грядущимъ поколѣніямъ единаго и неизмѣннаго ученія единаго истиннаго учителя Христа“ ³⁾. Вотъ два порядка: 1) МѠ. X, 17—20: *Остерегайтесь людей: ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища, и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ. И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидетельства предъ ними и язычниками. Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать, ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ* (пар. и под.); 2) МѠ. XXVIII, 19. 20: *идите, научите всѣ народы.... уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ*; МѠ. X, 27: *что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слы-*

¹⁾ Стр. 10.

²⁾ Говоримъ это, помня, что ниже будемъ называть народность и современность проповѣди субъективнымъ творчествомъ проповѣдника, потому что это творчество относится не къ тому, что онъ передаетъ (единственно слово Божіе), а къ тому, какъ передаетъ.

³⁾ Архiep. Амвросія Харьк. *Проповѣди*, 1895, стр. 542.

шите, проповѣдуйте на кровляхъ; 2 Тим. II, 2: что слышалъ отъ меня, при многихъ свидѣтеляхъ, то передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить. Изъ этихъ двухъ порядковъ къ проповѣди примѣнимъ собственно и исключительно второй порядокъ. Правда, въ проповѣди возможно и субъективное творчество, но оно относится собственно не къ содержанию проповѣди, не къ тому, чему проповѣдникъ научаетъ, а къ тому, какъ онъ научаетъ (народность и современность проповѣди); во всякомъ случаѣ оно не противостоитъ благодати, какъ продуктивной силѣ, а служитъ дополненіемъ къ преданію; оно скорѣе само опредѣляется въ проповѣдникѣ благодатью. Здѣсь возможенъ рационализмъ—но не въ отрицаніи благодати, какъ продуктивной силы проповѣди, а въ отрицаніи преданія, въ отрицаніи ученія Христа, или слова Божія, какъ единственнаго предмета проповѣди; въ признаніи же за благодатью продуктивнаго значенія для проповѣди, хотя бы оно не сопровождалось отрицаніемъ субъективнаго творчества, слѣдуетъ видѣть подлинный мистицизмъ.

Итакъ, проповѣдникъ, хотя дѣйствуетъ подъ руководствомъ благодати, предварительно самъ долженъ научиться тому, чему призывается учить другихъ. Говоря словами блажен. Августина, должно „учить самихъ учителей“ (ор. cit. IV, XXXIII). Проповѣдникъ долженъ не только постигнуть слово Божіе „духомъ“, но и изучить его „умомъ“ (1 Кор. XIV), быть христіански мудрымъ (блаж. Август. IV, VII), чтобы умъ его слушателей „не остался безъ плода“. Онъ долженъ приложить всякое тщаніе и всѣ естественныя средства къ изученію слова Божія и къ уразумѣнію его смысла...

IV.

Новый Завѣтъ только или вмѣстѣ и Ветхій Завѣтъ должно брать предметомъ проповѣди? Ученіе Господа нашего Іисуса Христа излагается въ Новомъ Завѣтѣ, а не въ Ветхомъ, и потому проповѣдникъ христіанскій обязанъ благовѣствовать священное Писаніе Новаго Завѣта (2 Кор. III, 6). Послѣ того, какъ нашъ единый учитель изрекъ: *вы слышали, что сказано древнимъ, а Я говорю вамъ...*; послѣ того, какъ ветхозавѣтныя тѣни и прообразы исполнились во Христѣ,—Ветхое

прешло и настало Новое. Но Новый Заветъ стоитъ въ исторической связи съ Ветхимъ и многое въ Новомъ Заветѣ объясняется Ветхимъ, сообразно съ тѣмъ ветхозавѣтныя книги вошли въ канонъ книгъ христіанской церкви и имѣютъ въ ней широкое богослужбное употребленіе. Посему къ Ветхому Завету проповѣдникъ долженъ обращаться за тѣмъ и лишь за тѣмъ, что необходимо знать слушателямъ для пониманія Новаго Завета. Таковы историческій и прообразовательный элементы Ветхаго Завета. Они предполагаются Новымъ Заветомъ и потому неизбежны въ проповѣди; но они должны быть излагаемы въ ней наивозможно кратко, не какъ предметъ наученія сами по себѣ, а только какъ объясненіе Новаго Завета.—Необходимое въ проповѣди лишь для объясненія Новаго Завета, священное Писаніе Ветхаго Завета должно быть излагаемо въ проповѣди исключительно по смыслу и духу Новаго Завета. Это особенно слѣдуетъ помнить проповѣднику въ отношеніи къ этическому міровоззрѣнію Ветхаго Завета. Этика Ветхаго Завета составляется изъ двухъ частей: одна имѣетъ божественное происхожденіе и непреходящее значеніе, другая имѣетъ характеръ примѣнительный къ жестокосердію еврейскаго народа (Мѣ. XIX, 8) и значеніе временное. Наибольшая заповѣдь первой части—заповѣдь о любви, о которой Самъ Господь Іисусъ Христосъ сказалъ, что на ней утверждается весь законъ и пророки (Мѣ. XXII, 37—40), есть первая заповѣдь и въ Новомъ Заветѣ ¹⁾; о заповѣдяхъ же второй части Онъ говорилъ: *вы слышали, что сказано древнимъ, а Я вамъ говорю...* Но такого разграниченія въ Евангеліи не сдѣлано по отношенію къ каждой заповѣди и каждой отдѣльной чертѣ ветхозавѣтной этики; въ этомъ случаѣ нужно руководиться не буквою, а духомъ Новаго Завета. При этомъ проповѣднику нужно быть весьма внимательнымъ. Различіе между Ветхимъ и Новымъ въ этой области не всегда сознается, потому что Ветхое понятіе нашему плотскому сердцу. Такъ по ветхозавѣтному міровоззрѣнію предполагается соразмѣрность между праведностью и временнымъ благосостояніемъ.

¹⁾ Въ Прав. Испов. III, отв. на вопр. 47 называются изъ заповѣдей Ветхаго Завета обязательными для христіанъ только заповѣди, „относящіяся къ любленію Бога и ближняго“.

тогда какъ по ученію Господа Іисуса Христа міръ ненавидитъ тѣхъ, которые не отъ міра, и потому причиняетъ праведникамъ страданія и гоненія ¹⁾,—міръ радуется, а праведники плачутъ и рыдаютъ, хотя и утѣшаются надеждою, что печаль ихъ будетъ въ радость. Дѣйствительность оправдываетъ ученіе Господа Іисуса Христа, а ветхозавѣтное міровоззрѣніе породило тяжкія искушенія для самихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Между тѣмъ христіанскіе проповѣдники иногда, по неосмотрительности, въ числѣ плодовъ праведности указываютъ мірское благосостояніе и при изображеніи жизни христіанской слишкомъ широко пользуются ветхозавѣтными чертами.—Мало помогутъ здѣсь подробныя наставленія, но тѣмъ болѣе собственной осмотрительности необходимо имѣть проповѣднику.

V.

Излагать въ проповѣди священное Писаніе можно въ двоякой формѣ—экзегетической и тематической. Первая состоитъ въ чтеніи и изъясненіи слова Божія въ его собственной послѣдовательности — слово за словомъ, стихъ за стихомъ, глава за главой: это гомилія, поученіе на писанія (*ἐπί ταις γραφαῖς διδασκαλία*), бесѣда. Предметъ изъясненія— все слово Божіе; послѣдовательность изъясненія можетъ обнимать весь канонъ священныхъ книгъ или можетъ ограничиваться одною какою нибудь книгою, одною главою, нѣсколькими стихами и даже нѣсколькими словами; каждая отдѣльная гомилія можетъ быть изъясненіемъ какого угодно отрывка слова Божія. Вторая форма изложенія священнаго Писанія въ проповѣди—слово учительное (*διδασκαλικὸς λόγος*), или просто слово, иначе поученіе — состоитъ въ раскрытіи ученія слова Божія по тому или другому пункту христіанскаго міровоззрѣнія въ отдѣльности, въ систематизаціи священнаго Писанія по отдѣльнымъ темамъ христіанскаго міропониманія, въ указаніи полныхъ отвѣтовъ по слову Божію на тотъ или другой изъ возникающихъ вопросовъ христіанской жизни. Эта форма проповѣди соотвѣтствуетъ естественной потребности христіанина, съ одной стороны, знать не только отдѣльныя изреченія Господа Іисуса Христа, ученіе

¹⁾ Истину страданій праведника прозрѣвали и ветхозавѣтные пророки, напр. Пс. XXI, Ис. LIII и др.

Котораго излагается въ евангеліяхъ исторически, но представлять себѣ цѣльное христіанское міропониманіе—въ стройной системѣ, сказали бы мы, если бы не боялись научнаго значенія этого слова, въ которомъ оно къ христіанской проповѣди не примѣнимо, — съ другой стороны, потребности имѣть полный отвѣтъ на тотъ или другой вопросъ, который трактуется въ различныхъ мѣстахъ писанія съ различныхъ сторонъ и съ различною обстоятельностью, или отвѣтъ на такіе выдвигаемые жизнью вопросы, на которые нѣтъ въ словѣ Божіемъ буквальнаго отвѣта, но къ рѣшенію которыхъ надлежитъ еще примѣнить слово Божіе. Сообразно съ симъ въ учительныхъ словахъ, или поученіяхъ, слѣдуетъ или систематически излагать христіанское ученіе, или подробно изъяснять отдѣльные пункты его, или же отвѣчать по слову Божію на подлежащіе вопросы текущей жизни христіанскаго общества ¹⁾.

Изъясненіе слова Божія и поученіе легко могутъ чередоваться и ни въ какое время не должны исключать одно другое. Но цѣлесообразнымъ кажется такой порядокъ. При первоначальномъ наставленіи въ истинахъ христіанской вѣры слѣдуетъ излагать самое существенное изъ системы христіанской вѣры, сосредоточивая его въ одномъ какомъ либо важнѣйшемъ пунктѣ, преимущественно въ ученіи о дѣлѣ Господа Иисуса Христа и о нашемъ призваніи къ спасенію, и съ этого пункта обозрѣвая прочее, при чемъ главное вниманіе нужно обращать на то, чтобы это существенное не было общимъ и отвлеченнымъ, но было наивозможно жизненнымъ. Затѣмъ вѣрующаго должно напитывать словомъ Божіимъ, читая и изъясняя ему священное Писаніе въ возможной полнотѣ. Далѣе слѣдуетъ систематизація ученія слова Божія, выясненіе духа христіанскаго міропониманія, при чемъ нужно съ большимъ вниманіемъ останавливаться

¹⁾ На вопросы о способахъ изъясненія св. Писанія (о смыслахъ прямомъ, переносномъ и таинственномъ) и систематизаціи христіанскаго ученія (вѣроученіе и правоученіе, православіе и инославіе, постижимая и непостижимая сторона догмата, доказательства догмата, догматы важнѣйшіе и второстепенные) слѣдовало бы отвѣчать въ этомъ мѣстѣ гомилетики, если бы ей подлежали эти вопросы; но они ей не подлежатъ, а ихъ мѣсто въ библейской исагогикѣ, въ богословіяхъ догматическомъ и нравственномъ.

на тѣхъ пунктахъ, которые или болѣе важны въ системѣ, или же требуютъ преимущественнаго разъясненія по запросамъ слушателей и состоянію паствы. Последнимъ звеномъ въ преподаваніи слова Божія, предполагающимъ слушателей уже наставленныхъ въ истинахъ вѣры, должно быть освѣщеніе словомъ Божиимъ текущей жизни.

VI.

Указывая двѣ формы въ проповѣдническомъ изложеніи священнаго Писанія, мы послѣдовательно переходимъ къ вопросу объ отношеніи проповѣди къ церковному ученію.

Прежде всего должно замѣтить, что именемъ церковнаго ученія часто называютъ многое такое, что или есть ученіе библейское или же совсѣмъ не есть ученіе, и потому область церковнаго ученія много уже, чѣмъ какъ думаютъ. Прот. Ѳаворовъ называетъ особыми предметами проповѣди св. Писаніе и то, что церковь преподаетъ намъ въ ученіи, постановленіяхъ и обрядахъ своихъ. Уже въ этихъ словахъ мы встрѣчаемъ странное смѣшеніе церковнаго ученія съ постановленіями и обрядами церковными. Последнія, какъ дисциплину церковную, необходимо отличать отъ ученія вѣры ¹⁾. Предметомъ проповѣди можетъ быть только ученіе вѣры, которое имѣетъ божественное происхожденіе, а не дисциплина, которая представляетъ собою область дѣятельности церковной власти, а не учителя ²⁾.—Недостаточность изложенія въ проповѣди только священнаго Писанія, но необходимость сверхъ того излагать въ проповѣди ученіе церковное, о. Ѳаворовъ мотивируетъ тѣмъ, что въ проповѣди нужно бываетъ излагать истины христіанскія въ связи и послѣдовательности, раскрывать многія изъ нихъ отдѣльно съ особенною подробностью и обстоятельностью, преподавать слушателямъ краткіе уроки благочестія и говорить о различныхъ предметахъ по требованію обстоятельствъ. Но развѣ связность и послѣдовательность, подробность или краткость и, наконецъ, примѣнительность къ обстоятельствамъ не суть только формы изложенія того же ученія слова Божія, развѣ

¹⁾ Ср. В. Ѳ. Кипарисова *Ученіе вѣры и дисциплина въ церкви христіанской* В. В. 1896 г.—Продол. въ томъ же и сл. г.

²⁾ См. то же сочиненіе.

онѣ создаютъ особый предметъ проповѣди и дѣлаютъ изъ слова Божія ученіе церковное? Въ частности въ качествѣ указателей нравственныхъ истинъ, какъ одного изъ видовъ церковнаго ученія, онѣ называютъ десятословіе, молитву Господню, блаженства евангельскія и церковныя заповѣди. Но десятословіе, молитва Господня и блаженства евангельскія суть части священнаго Писанія, и потому единственнымъ указателемъ церковнаго нравственнаго ученія остаются церковныя заповѣди. Но церковныя заповѣди относятся къ области церковной дисциплины, а не церковнаго ученія. Такъ въ церковныхъ заповѣдяхъ о постахъ выражается дисциплина церкви, а не ея ученіе: ученія о постѣ, особаго отъ ученія слова Божія, хотя бы только по изложенію, церковь не имѣетъ. Равнымъ образомъ, постановленія церкви о совершеніи таинствъ, объ отношеніи пастыря къ паствѣ, о способахъ принятія еретиковъ въ общество вѣрующихъ и прочія подобныя относятся къ дисциплинѣ церковной, а не къ ученію церкви. Кратко сказать, нравственнаго церковнаго ученія, особаго отъ ученія слова Божія, хотя бы только по формѣ и изложенію, нѣтъ ¹⁾.—Церковное ученіе ограничивается тѣмъ, что называется ученіемъ догматическимъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Сюда относятся, главнымъ образомъ, соборныя вѣроопредѣленія и, прежде всего, никео-цареградскій символъ вѣры. Какое значеніе имѣетъ церковное ученіе и какъ оно относится къ ученію слова Божія? Церковное ученіе представляетъ собою краткое изложеніе ученія слова Божія по важнѣйшимъ вопросамъ вѣры ²⁾ и имѣетъ значеніе нормы, которой долженъ держаться христіанинъ въ пониманіи ученія священнаго Писанія по этимъ вопросамъ. Нельзя сказать, что каждому христіанину необ-

¹⁾ Ср. С. Никитскаго *Вѣра правосл. гр.-росс. церкви по ея символическимъ книгамъ*, тетр. 2я, стр. 217: „въ символическихъ книгахъ вселенскаго характера нѣтъ прямыхъ отдѣльныхъ, специальныхъ, въ ясной и точной логической формулѣ выраженныхъ, правилъ или опредѣленій касательно христіанскаго правоученія“...

²⁾ М. Филаретъ (*Изложеніе разностей между в. и з. церковью*, §§ 1. 8): „единный, чистый и достаточный источникъ ученія вѣры есть откровенное слово Божіе“, при чемъ „допустить неписанное слово Божіе значитъ подвергать себя опасности разорить заповѣдь Божію за преданіе чловѣческое“. Арх. Филаретъ (*Пр. Д. Б-ге*, 1, 1864, стр. 7): „догматы суть (созрательныя) мысли откровенія о Богѣ“.

ходимо собственно *знать* *всѣ* догматы и безъ знанія ихъ невозможно спастись,—ибо кто же изъ мірянъ знаетъ догматы IV и VI вселенскихъ соборовъ? Но догматы обязательны для всѣхъ какъ предѣлы, которыхъ не должна преступать мысль христіанина въ разумній евангельской истинѣ ¹⁾. Посему и для проповѣдника они обязательны, какъ только онъ переходитъ къ тематическому и систематическому изложенію ученія священнаго Писанія, въ качествѣ такихъ именно предѣловъ. Итакъ, церковное ученіе есть рядъ формулъ, для которыхъ содержаніе дается словомъ Божиимъ, и потому оно немисливо въ качествѣ особаго отъ священнаго Писанія предмета церковной проповѣди, но оно есть руководство, съ характеромъ безусловнаго авторитета, котораго проповѣдникъ долженъ держаться при изложеніи ученія священнаго Писанія по вопросамъ христіанской вѣры. Предметъ проповѣди одинъ—ученіе Господа нашего Иисуса Христа, изложенное въ писаніяхъ св. апостоловъ ²⁾; но при изъ-

¹⁾ Выражаемъ только мысль Арх. Филарета (*Пр. Д. Б-іе*, 1, стр. 10): „иное дѣло отвергать догматъ, иное—не знать его“ и пр. Не забываемъ, конечно, того, что знаніе символа вѣры считается необходимымъ для принятія новаго члена въ православную церковь и, какъ таковой, символъ вѣры долженъ быть изъясняемъ въ проповѣди. Мы только говоримъ, что знаніе символа вѣры, какъ сокращенія слова Божія, не даетъ чего либо новаго по сравненію съ ученіемъ священнаго Писанія; посему и изъясненіе его должно быть не чѣмъ инымъ, какъ изложеніемъ слова Божія по его формуламъ, въ его системѣ: при изъясненіи символа вѣры проповѣдникъ не долженъ ничего прибавлять къ слову Божию изъ тѣхъ догматическихъ созерцаній, которыми занималось богословіе временъ вселенскихъ соборовъ.

²⁾ Мысль о томъ, что ученіе православной церкви заключается въ свящ. Писаніи, что, изъясняя Писаніе, можно изъяснить все христіанское вѣро—и право-ученіе, что церковное ученіе выражаетъ существенное содержаніе слова Божія, мы встрѣчаемъ въ гомилетикѣ о Поторжинскаго, но онъ впадаетъ въ ошибку другихъ гомилетовъ, когда говоритъ: „такія (существенныя) истины (слова Божія) собраны церковію и выражены кратко (не только) въ символѣ вѣры, (но и) въ 10 заповѣдяхъ закона Божія, въ молитвѣ Господней“. Въ Опытѣ Чепика эта же ошибка выражается въ болѣе грубой формѣ: „Ученіе христіанское, разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ св. писанія, сокращенно изложено въ символѣ вѣры (догматическое ученіе); въ десятословіи же, въ евангельскомъ ученіи о блаженствахъ и пр. содержится ученіе нравственное. Это сокращенное ученіе церковное... знать необходимо каждому христіанину. Отсюда и истины, содержащіяся здѣсь, изъяснять для пастыря церкви обязательнѣе, чѣмъ

ясненіи священнаго Писанія проповѣдникъ обязанъ руководиться авторитетомъ церковнаго разумѣнія. Такъ постановили отцы VI вселенскаго собора: „Предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресныя, поучать весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ божественнаго писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ; и аще будетъ изслѣдуемо слово Божіе, то не иначе да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ“ ¹⁾....

Изъясненное положеніе, важное въ системѣ гомилетики, особенно важно въ практическомъ примѣненіи. Въ наше время, столь богатое учеными проповѣдниками, часто можно слышать такую проповѣдь, которая представляетъ собою параграфъ изъ догматическаго богословія. Этого не должно быть. Здѣсь вопросъ идетъ не о важности преданія, въ отличіе отъ писанія, какъ источника вѣрующей, не о важности православной догматики, а исключительно о томъ, что пригодно для проповѣди по ея идеѣ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и не нужно касаться вопроса о важности преданія, о различіи въ этомъ отношеніи православія, католичества и протестантства, чтобы утверждать, что проповѣдь не должна имѣть характера догматики. Православный проповѣдникъ долженъ быть наставленъ въ православной догматикѣ и ни въ чемъ не противорѣчить ей; но не все, чему онъ наученъ въ школѣ, слѣдуетъ ему выносить на

даже раскрывать смыслъ св. писанія“. Какая путаница понятій! Сокращеніе и части важнѣе цѣлаго?!

¹⁾ Въ крайнемъ случаѣ здѣсь дѣло свободнаго выбора: „все равно, читаемъ мы въ *Посланіи патр. пр.—кав. ц.* (гл. 2),—все равно, отъ писанія ли поучаться, или отъ вселенской церкви“. Мы говоримъ только о проповѣдническомъ выборѣ. Въ этомъ послѣднемъ, гомилетическомъ, отношеніи для насъ особенно цѣны указанія книги *О должностяхъ пресвитеровъ прихотскихъ*, поучающей, что „всѣ члены вѣры заключаются въ словѣ Божіи, (посему) должны мы слово Божіе испытывать, отъ него истинны божественныя почерпать и народъ учить,—отъ писанія (же) св. отецъ (только) для изъясненія каковаго члена вѣры и для утвержденія предлагаемаго къ народу поученія приличная мѣста можно, а иногда и должно въ бесѣдѣ своей употреблять. Но какъ св. отецъ писанія, такъ и церковныя преданія не должно смѣшивать или сравнивать съ словомъ Божіимъ“ (18—22).

церковную кафедру. Догматика — наука; она суха и отвлеченна; проповѣдь же должна быть живою и дѣйственною, ея предметъ—слово жизни, слово Божіе. „Никто не отрицаетъ достоинства научнаго изложенія христіанскаго ученія, но не ему принадлежитъ первое мѣсто въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи, а непосредственному слову Божію“¹⁾. И по догматическимъ вопросамъ проповѣдникъ обязанъ излагать ученіе священнаго Писанія. Прекрасные образцы—слово Архіеп. Иннокентія Херс. въ день Св. Троицы на текстъ *во имя Отца и Сына и Св. Духа* и прот. Путьгина поученіе о томъ, что Богъ есть духъ... Не говоримъ, что проповѣдникъ совсѣмъ не долженъ касаться богословскихъ вопросовъ. Самая жизнь можетъ требовать этого отъ него. Такъ въ древности, по требованію времени свв. Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Василій Великій охотно посвящали проповѣди разсужденіямъ по богословскимъ вопросамъ; такъ и нынѣ проповѣднику необходимо бываетъ касаться богословскихъ темъ въ борьбѣ съ инославіемъ, расколомъ и сектантствомъ. Но и въ такихъ случаяхъ проповѣдникъ не долженъ забывать цѣли проповѣди, ея истинной природы, ея подлиннаго предмета; и миссіонерско-апологетическая *проповѣдь*, чтобы быть истинною проповѣдью, не должна ограничиваться вопросами разногласія между христіанскими обществами, но должна главное вниманіе обращать на положительное раскрытіе ученія слова Божія. Въ противномъ случаѣ это будетъ не проповѣдь, а богословское чтеніе, диспутъ и т. п. Можно назвать не иначе, какъ только ложною мыслью, что будто обрядовыя и вѣроисповѣдныя отличія составляютъ самую главную и даже единственную причину раздѣленія христіанскаго общества, что будто съ устраненіемъ этой причины само собою должно возникнуть единомысліе. Скорѣе то религіозно-нравственное состояніе, при ко-

¹⁾ Архіеп. Амвросія Х. *Проповѣди*, 1885, стр. 212—213.—Считаемъ излишнимъ указывать на ту сторону разсматриваемаго нами вопроса, что непозволительно проповѣднику вносить въ проповѣдь свои личныя богословскія разсужденія, потому что это само собою вытекаетъ изъ того положенія, что содержаніе проповѣди дано въ ученіи Господа Иисуса Христа. *Лично* отъ себя проповѣдникъ вноситъ въ проповѣдь духовный опытъ и способъ живой передачи слова Божія (современность и народность).....

торомъ получаютъ для человѣка важное значеніе обряды и богословскія мнѣнія, и есть причина раздѣленія христіанскаго общества: при наличности этой причины невозможно достигнуть единства въ области обрядовъ и богословскихъ мнѣній, напротивъ съ устраненіемъ этой причины само собою достигается единство обрядовъ и мнѣній или даже единодушіе при различіи, иначе при безразличіи обрядовъ и мнѣній. Поэтому дѣло проповѣди, въ отличіе отъ состязаній и диспутовъ, которые только разжигаютъ страсти,—дѣло проповѣди поднять мысли и сердце слушателей на ту высоту христіанскаго духа, на которой человѣкъ любовью можетъ быть всѣмъ для всѣхъ и все терпѣть. Только въ предположеніи, что слушатели, имѣя должное религіозно-нравственное направленіе мысли и сердца, по немощи совѣсти смущаются тѣми или другими мнѣніями, проповѣднику можно снисходительно и осмотрительно входить въ разсмотрѣніе сихъ мнѣній. Проповѣдникъ всегда долженъ помнить наставленіе ап. Павла: *я желаю, чтобы... угрозовашіе въ Бога старались быть прилежными къ добрымъ дѣламъ: это хорошо и полезно человѣкамъ. Глупыхъ же состязаній, и родословій, и споровъ, и распрей о законѣ удаляйся, ибо они бесполезны и суетны* (Тит. III, 8. 9); *отъ состязаній и словопреній происходятъ зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія, пустые споры между людьми поврежденнаго ума* (1 Тим. VI, 4. 5); *цѣль утѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца, и доброй совѣсти, и нелицемѣрной вѣры; отъ чего отступивъ, нѣкоторые уклонились въ пустословіе* (1, 5. 6)....

Михаилъ Гарьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
